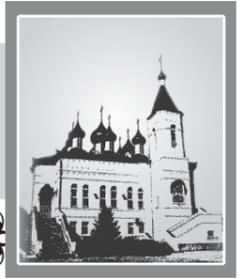

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 12-я. О молитве.

Здравствуйтесь, дорогие братья и сестры. Блаженной памяти почивший Сербский Патриарх Павел говорил такие простые слова: «Птица потому и птица, что летает. И цветок потому и цветок, что пахнет и цветет. А человек потому и человек, что он молится». Молитва – это родовой признак человека. Во всем остальном человек похож на животных: это млекопитающее, живородящее, двуногое, без перьев – так бы его могли определить в курсе биологии.

Мы рожаем живое потомство, как, например, кошка и собака, дельфин или слон. Мамы наши кормят детенышей своих молоком, как корова теленка кормит, как слониха слоненка кормит. И мы переживаем о детях своих, сбиваемся в стадо человеческое, в социум, храним семью, как, допустим, лебеди или те же самые дельфины, или мартишки, или волки. У нас есть сигнальная система, благодаря которой мы коммуницируем с такими же, как мы. И во всем остальном мы такие же животные на самом деле. А чем же мы по-настоящему отличаемся от животного мира? По мне, только одним: тем, что мы молимся.

Покаяние царя Давида. Гравюра Юлиуса Карольсфельда

Молитва – это признак человека. Птица потому птица, что летает; цветок потому цветок, что растет и пахнет; а человек потому человек, что он молится.

Давайте кратко поговорим о молитве. Это великое искусство, это наука из наук и искусство из искусств. Всю жизнь нужно учиться молитве. Иногда человек проводит долгие десятилетия в попытках научиться призывать имя Господа внимательно и со страхом и благоговением. Иногда Божиим сверлом сердце просверливается, и оттуда бьет фонтан молитвы, как это было, например, у тонущего Петра, когда не было времени и возможности книжку взять в руки, встать на колени, лампаду зажечь, – тонет человек, и он кричит: «Спаси меня, погибаю!» Это молитва погибающего человека. Вот и разбойник на кресте молился: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» Или мытарь в храме, биющий себя в грудь: «Боже, милостив буди мне, грешному». Это все краткие молитвы, которые вырываются из человека протуберанцами такими, как гейзер, как горячий кипяток, бьющий из недр человеческой души. Просьба к Богу такая.

Но лучше не ждать беды, чтобы беда заставила нас молиться. Вообще лучший учитель молитвы – это беда. Когда беда приходит, когда приходит болезнь – начинается молитва об исцелении. Приходит страх – начинается молитва о спасении. Приходит неприятность с детьми – начинается молитва о детях. Приходит еще какая-нибудь нужда – начинается молитва о том-то и том-то. Но я бы не хвалил этот вид молитвы, потому что все-таки нужно молиться до болезни, до нужды, до беды, до смерти, до опасности, до разлучения души с телом. То есть нужно молиться Богу, потому что Он есть, и нужно общаться с Ним.

Святитель Василий Великий определяет несколько видов молитвы, и первой полагает он молитву хвалебную. Бога нужно хвалить. В храмы нужно приходиться для того, чтобы Бога хвалить. «Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его, вси ангели Его, хвалите Его, вся силы Его. Хвалите Его Небеса небес и вода, яже превыше небес» (Пс. 148, 1-4). Псалтирь за-

канчивается хвалебными псалмами: 148-м, 149-м, 150-м – мы читаем их на утрени. Начинается Псалтирь откровением о том, как надо жить: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не опадет» (Пс. 1, 1-3). Это начало Псалтири. А в конце Псалтирь к чему приходит? К тому, что «хвалите Господа – хвалите Его змии, огни, бездны, град, снег, голоть, бури – все хвалите Господа». Человек настолько расширяет свою душу, что он желает, чтобы вся вселенная превратилась в храм, а он, человек, стал в этом храме священником. Это, собственно, и есть цель творения человека.

Мир – это храм, а человек в нем священник. И первое, что нужно делать в отношении Господа Бога, это хвалить Его. «Хвалим, благословим, благодарим, поклоняемся Господеви, поюще и превозносяще Его во веки». Так что хвалите Господа больше, нежели просите чего-нибудь.

Очень важно вот что: молиться нужно всегда как грешник. Нельзя молиться как праведник, потому что праведность наша лжива, мнима, дырява. Надо молиться Богу как грешник: хвали Бога, но не забывай, что грешен. Испрашивай у Него прощения в грехах своих. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей». А потом проси у Бога, проси чего хочешь: дочке – мужа; замужней дочке – детей и верного жития с супругом, чтоб не развелись, не дрались, не ругались; сыну – живым-здоровым вернуться из армии; «выплатить ипотеку помоги мне, Господи»; «выздорověть помоги». Проси у Бога – у Бога нужно просить, потому что всё, что нам нужно, у Него есть: слова «богатство» и «Бог» однокоренные, то есть Бог богат всем, у Него всё есть, Ему ничего не жалко. Только Он дает дозированно тому, кому надо, и вовремя.

И, наконец, когда получаешь просимое, ты должен поблагодарить. Кто бы ты был такой, если ты просишь у Бога помощи, Бог тебе дает ее, а ты потом не благодаришь Его? Благодарить нужно.

Итак, хвали, кайся, проси и благодари после получения просимого – вот четыре вида молитвы, которые определяют, если мне не изменяет память, святой Василий Великий.

Теперь еще очень важное: когда начнешь хвалить, заканчивай покаянием, а когда начнешь каяться, заканчивай хвалой. Проиллюстрирую вам простейшим, но очень важным, мне кажется, примером. Вот псалом покаянный: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» (Пс. 50, 1). Это Давид написал после того, как он был дважды ранен – двумя стрелами: прелюбодейством и убийством – он убил и спал с чужой женой. Потом он всё понял – ему Нафан сказал, и он эти обличительные слова на себя примерил и начал каяться: «слезами постелю свою омочил» – ложе свое омывать слезами начал. Вот псалом, родившийся из покаяния: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Он кается и кается, а потом говорит: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся» (Пс. 50, 15). Внимание: Давид, убивший и сблуд-

ивший, говорит: «Я научу беззаконных путем Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся».

Слово пастыря

Я извиняюсь, царь Давид, ты сам-то кто? Не ты ли нечестивый? Ты же сам – убийца и прелюбодей. Ты когда еще собираешься учить? Ты собираешься нечестивых приводить к Богу? А ты что сам натворил? Вроде бы, так. Но на самом деле великая мудрость открывается: Давид начинает с покаяния, а потом постепенно сердце его все больше и больше разгорается, до горячего состояния уже доходит сердце, и он говорит: «Я, Господи, для Тебя всё сделаю». А что Господу самое нужное? Возвратить грешников с грешных путей. «Я нечестивых к Тебе обращу, научу беззаконных путем Твоим», – он заканчивает, по сути, обещанием Богу быть проповедником и учителем многих. Понимаете?

Так что начини с покаяния и закончишь иным – станешь учителем. «Ты любишь Меня?» – «Люблю!» – «Паси овцы Моя». Так и Петр слышит трижды от Христа в ответ на покаяние повеление «паси овец Моих» – это для Господа очень ценно. Царь Давид начинает с покаяния, а заканчивает хвалой и уже говорит про «стены Иерусалимские», «жертву правды: тогда возложат на олтарь Твой тельцы» (Пс. 50, 20-21).

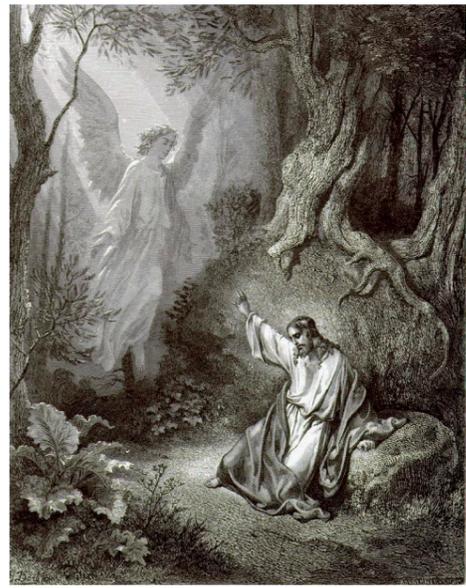
А в Великом славословии, наоборот, сначала говорим: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим, благословим, благодарим Тя, Господи...» – мы хвалим Бога. А потом потихоньку – поем, поем – «Исцели душу мою, яко согреших Тебе». Это-то откуда? Вроде начали хвалить, а потом – раз, и спустились в покаяние. Да, это закон: начнешь каяться – взойдешь до хвалы, начнешь хвалить – низойдешь до покаяния.

Если Великое поучение в дни Великого поста вы посещали, то, вероятно, заметили: там есть две песни, которые радикально представляют нам эти две позиции. Первая: «С нами Бог – разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог». Услышите до последних земли, яко с нами Бог. Могуции, покоряйтесь, яко с нами Бог». С нами Бог, мы никого не боимся, «страха вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог», «Господа Бога нашего Того освятим, и Той будет нам в страх, яко с нами Бог». Это песнь торжества веры, то есть мы вообще никого не боимся. Всё, что вы там задумываете, замышляете, ножи точете, собираете оружие свое, чистите его – это ерунда всё – с нами Бог, спрячьтесь все. Потом проходит половина поучения и поется: «Господи сил, с нами буди, инобо разве Тебе помощника в скорбех не имамы, Господи сил, помилуй нас» – это совершенно другая тональность: Господи, не оставляй нас. Только что мы говорили: «С нами Бог! Ну-ка все – цыц! По углам! Мы самые сильные, с нами Господь!», а потом мы Богу говорим: «Ты не уходи только, пожалуйста, от нас, только не оставляй нас. Потому что если Ты нас оставишь, нас всех просто уничтожат. Нас и так не любят, а тут нас просто сожрут заживо: «Аще не Господь был бы в нас... убо живых пожерли быша нас» (Пс. 123, 2) – в псалмах так пишется. И мы молимся уже: «Господи, не оставляй нас, с нами буди. Иного бо разве

Тебе помощника в скорбех не имамы». Вот так полярно молитва соединяется – покаяние и хвала. Начнешь с хвалы – закончишь покаянием, начнешь с покаяния – взойдешь до хвалы. И то, и другое очень нужно человеку.

Приходите в храмы Божии хвалить Господа и обязательно каяться в грехах своих. Приходите в храмы Божии каяться в грехах своих и обязательно в конце хвалить Господа.

И, пожалуй, последнее на сегодня: человек, по словам митрополита Антония Сурожского (Царствие ему Небесное!), часто надевает маску на молитву, и молось не я, а моя маска. Я строю глазки перед Богом, избираю из себя что-то такое, чем на самом деле я не являюсь. При этом всем я еще и представляю себе Бога каким-то таким, что тоже является маской Бога, какой-то куклой вместо Господа. Вместо живого Бога, Которого нужно бояться, я представляю себе кого-то – или доброго дедушку, или еще кого-нибудь. Получается, что моя маска молится маске Бога, то есть диалога не происходит. А надо, чтобы для молитвы было две личности: Он и я. Я молюсь Ему – не маска моя, а я. И не маске Его, а Ему молюсь. Нужно быть предельно честными на молитве, молитва – это ужасно честное занятие: ничего не спрячешь, никого не обманешь, душа нараспашку, и там что есть, то есть. «Вот, смотри на меня, показываю». Как лев пришел к Герасиму, помните, с занозой, со слезами? Мол, вот, не могу вытащить. У животного нет таких пальцев, как у человека, чтобы вытащить занозу из собственной лапы. Пришел, показывает Герасиму: вот, заноза у меня в лапе. Герасим вытащил, перемотал ему эту лапу, бедному, и лев стал ему другом навеки. Вот так человек душу свою показывает нараспашку, честно показывает: вот, смотри, что у меня внутри, это вообще кошмар какой-то, «исцели мя, яко согреших Тебе», «исцели душу мою, яко согреших Тебе».

Гетсиманская молитва. Гравюра Гюстава Доре. 1866 г.

Хвала и покаяние – два полюса молитвенной жизни. Повторяю: начнешь с хвалы – заканчивай покаянием, а начнешь с покаяния – заканчивай хвалой. Хвалите Бога и кайтесь перед Ним – в этом вся жизнь че-

ловеческая, потому что никто, кроме людей, на земле, собственно, не молится. Но весь мир смотрит на нас в ожидании того, что мы будем молиться. Каждая птица смотрит на человека и думает: «Мне бы твой язык, и твое сердце, и твои мозги – да я б молилась с утра до вечера! Ты не молишься. Я молюсь – пою Богу каждое утро, как умею, а ты не молишься». Каждая жаба смотрит с болота на человека и говорит: «Почему ты не молишься? Я квакаю во славу Божию с утра до вечера, а ты не молишься». Каждое дерево скрипит, ветвями шумит, смотрит на человека и так себе думает: «Мне бы твои легкие, твой язык, твои зубы, губы, всю эту систему, речевой аппарат весь твой да твое сердечко – да я бы молилось Богу с утра до вечера. Почему ты не молишься?» Вся природа спрашивает у людей: «Почему вы не молитесь? Вы же для этого созданы. Мы должны дать вам шерсть, хлеб, тепло, защиту, огонь, свет и т.д. ... Мы для этого, для вас. А вы для Бога, вы должны молиться».

Человек потому человек, что молится Богу. А птица потому птица, что умеет летать и петь. С Богом, до свидания.

«Райские хутора»

и другие рассказы

связишника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Лето соседи прожили душа в душу. Иван Тимофеевич частенько намекал Лукерье на то, что полдома – хорошо, а дом – лучше, и также – про сад-огород. Лукерья пожимала плечами, томно вздыхала и опускала долу глаза. Но как только Иван Тимофеевич начинал жаловаться, что, дескать, устает, что не успевает управляться с хозяйством, соседка встряхивалась и решительно возражала:

– Ну уж нет, это уже невозможно: и корова, и поросенок, и пчелы. И огород, и сад – невозможно.

– Да пчел я уж как-нибудь сам, – робко отступал Иван Тимофеевич. – И огород тоже, и в общем-то поросеночка, – заканчивал он совсем шепотом.

Несколько подумав над этим дипломатическим меморандумом, Лукерья приходила к выводу, что ей предлагается полностью взять на себя заботы о черно-белой корове, половину забот о поросенке и, кроме того, удвоить объем стирки, уборки и прочих домашних дел.

– Нет! – звучало ее последнее слово, и разговор прекращался до следующего раза.

К середине лета Иван Тимофеевич сумел убедить соседку, что «матерьял» пришел в полнейший упадок и следовало бы от него как-то избавиться, не то, случись искра, вспыхнет пожар.

– Бог дал – Бог взял, – неожиданно легко согласилась Лукерья и, пока Иван Тимофеевич ездил на Ваганьковский рынок продавать мед, наняла двух «умельцев», которые закопали хлам прямо посреди сада.

Вернувшись домой и увидев выросший за день курган, сосед ахнул:

– Это ж земля! – имея в виду, что загублена территория, пригодная для земледельчества.

– Все из земли вышло и все туда же должно уйти, – отвечала Лукерья, разглядывая открывшиеся с высоты прекрасные дали.

Но, несмотря на полное пренебрежение к агротехнике, яблоч, вишен и слив в ее саду уродилась прорва. А у Корзюкова, напротив, был неурожай, одно дерево и вовсе усохло.

– Это все из-за вашего «матерьяла!» – обижался он. – Не иначе – подземными водами заразу какую-то занесло.

– Полноте! – отмахивалась соседка. – На моем-то участке ничто не гибнет. Просто вы продику растениям своим не даете: все что-то пилите, мажете, поливаете – тыфу, право. Им ведь тоже воли охота.

Иван Тимофеевич уговаривал поскорее собрать урожай да свезти на рынок, но Лукерья не торопилась, и в конце концов сад обчистили карамышевские мальчишки.

– Беда-то какая! Ах, беда! – причитал Иван Тимофеевич, лоямая на груди руки.

А Лукерья облегченно перекрестилась:

– И мне – польза, и ребятишкам – хорошо.

– Как же вас старостой-то держали? Вы ж растрчивались, наверное?

– Боже упаси! Там ведь добро церковное! Как можно?!

...Осенью Иван Тимофеевич предложил обшить дом тесом.

– Зачем? – пожалла плечами соседка.

– Для тепла.

– Эх, голубчик! Не в том тепло-то! – И отказалась.

К зиме половина дома была обшита свежими досками, другая так и осталась чернеть древней сосной.

Между тем Лукерья сумела вновь накопить горку разнообразного «матерьяла», и в этой горке поселился новый Трезор.

Однажды зимой Лукерья пригласила соседа на день рождения. Выставила бутылку «белой головки», закуски приготовила, пирог испекла. Иван Тимофеевич принес в подарок кагор: – Вы дамочка церковная, божественная, так что я кагорчику, в том смысле, что и сам водки не употребляю.

Подумав и ничего не поняв, хозяйка решительно указала: – Садитесь!

Выпили винца. Лукерья предложила спеть песню. Сосед стал смущенно отказываться, и Лукерья самостоятельно спела

сначала «Шумел камыш», потом «Темную ночь», «Огонек» и наконец «Что стоишь, качаясь, то-онкая рябина...»

Терпеливо дослушав историю про рябину, которой хотелось перебраться к соседу – дубу, Иван Тимофеевич спросил:

– А у вас, извинаясь, конечно, сбережений-то еще много осталось?

– Всё кончилось, голубь мой, всё! Менять нечего, покупать не на что.

– Это нехорошо! Совсем, знаете ли, нехорошо! – И полюбпытствовал: – Огородничеством, стало быть, займетесь? А может, и поросеночка?..

– Что вы? – возразила Лукерья. – Зачем? Я устроилась охраником на строительство моста: ночь дежуришь – ночь дома.

– Но ведь это, – наморщил он переносицу, – совсем мало денег.

– А на кой их много-то? Проживу! У меня их знаете сколько было? Мильены, наверное! Матрац был деньгами набит – подумаешь! Батюшка церковные деньги у меня хранил... Чего вы там углядели?.. Да не этот матрац – в этом солома... А нынче взяла я остатки и пошла тратить! Ведь... Ой, щеки горят. Всегда у меня так от кагорчика... Ведь пока есть деньги, их надо тратить, потому что когда их не будет, нечего будет и тратить, вот... – Что ж вы приобрели? – осторожно спросил Иван Тимофеевич.

– Ружье. С патронами. У охотника одного.

– Зачем?!

– Хотелось, знаете, себе подарочек какой-никакой сделать, – улынулась Лукерья. – Пятьдесят лет все-таки. Попалось ружье. И хорошее, сказали, ружье, да к тому же еще и с патронами...

– Неправильно вы живете, – испуганно заключил Иван Тимофеевич, – очень неправильно.

Она опустила голову, положила ладони на край стола и затахла. Сосед что-то говорил, говорил, но Лукерья молчала. Он обиделся и ушел. А Лукерья, отставив в сторону недопитый кагор, откупорила бутылку водки.

Поздно ночью она запела. Иван Тимофеевич проснулся. «Фи-и-и...» После каждого «и» она набирала воздуха, так что всякое следующее делалось громче и выше предыдущего. Наконец, достигнув предела возможностей, она сорвалась с этой высоты истошным бомбовым воем: «Фи-ильдеперсовы чулочки, фильдеперсовы мои!...»

– Что с вами было? – участливо спросил ее на другой день Корзюков.

Лукерья нахмурилась:

– Это когда?

– Да ночью! Сегодня ночью! Вы не то пели, не то кричали... – А-а, понятно. Это я напилась. Сроду не напивалась, а теперь напилась. – И, перекинув за плечо ружье, направилась к калитке.

– Куда же вы?

– Пойду потренируюсь: нынче ведь на охрану объекта заступать – мало ли что, а я стрелять не умею.

– Так неужели вы сможете на такое решиться? Вы ведь как-никак дамочка божественная и насчет всего такого прочего... Она недоверчиво посмотрела на него исподлобья:

– Да вы что, голубь? Неужели не понимаете? Это ж не огород, это же стройка – дело общественное! Я коменданта так и предупредила: ежели жулик или шпион какой сунется, я его с ходу... Прости, Господи! – и перекрестилась.

– Ну а что, – Иван Тимофеевич поперхнулся, – что комендант?

– Валяй, говорит: один раз – в воздух, а потом – валяй. Только вот он ружье казенное даст, а я стрелять не умею, так что потренироваться надобно.

Так и зажила Лукерья: днем спит или тренируется, ночью дежурит или выпьет водочки и поет.

Не выдержав однажды очередного «фи-и», Иван Тимофеевич постучал в стенку.

– Войдите, – вежливо пригласила Лукерья. Никто не вошел.

– Чепуха какая-то... Фи-и-и-и...

Он постучал громче. Тут наконец Лукерья сообразила, в чем дело, и, отрицательно помотав головой, продолжила:

– Фи-ильдеперсовы чулочки, фильдеперсовы мои...

Сосед стал бить чем-то тяжелым. Лукерья раздосадованно вздохнула и, взяв кочергу, ответила. Звук получился дребезжа-

щим, противным. От его неказистости сосед словно бы даже воспрянул.

– Все одно твоя не возьмет, – глядя сквозь бревна, пренебрежительно сообщила Лукерья и сменила кочергу на топор.

Удары обухом получились хоть и тяжелыми, но глухими. Выслушав их, Иван Тимофеевич просто зашелся в победном бое.

«Чем же это он так? – позавидовала Лукерья. – Громко, четко – прям молодец! – Отложила топор, внимательно огляделась и придумала: – Ну держись!» Через минуту дом содрогнулся от выстрела. Сосед стих.

– Фи-и-и-и-ильдеперсовы чулочки, фильдеперсовы мои!.. На другой день пришел участковый.

– Не пуцуй я вас, – сказала она через дверь.

– Взломаем.

– Стрелять стану.

Он помолчал, обошел дом, переговорил с соседом и возвратился:

– Отчего ж Иван Тимофеевич вам так не нравится?

– А вам нравится?

– Это не имеет отношения к делу. Он человек проверенный, всю жизнь здесь живет. Был первым в деревне колхозником, первым, опять же, ополченцем. Контужен, инвалид...

– Жлоб он, – возразила Лукерья, – для всех – инвалид, а на себя пахать – трактор.

– А вы сами, как нам известно, религиозным дурманом занимаетесь.

– Ну ты вот что, – притомилась Лукерья, – я охраняю стройку коммунизма, а ты меня на пост не пускаешь. Это как понимать? Может, ты враг народа или шпион? Может, напарники твои сейчас объект взрывают, а ты меня тут задерживаешь, а? Тебя, диверсанта, стрелять надо, сейчас я ружье заряжу...

Милиционер ушел.

Отношения между соседями ухудшились. Иван Тимофеевич разгородил сад крепким глухим забором, потом разгородил и чердак. Случалось теперь, что они месяцами друг дружку не видели. Петь Лукерья стала значительно реже – с деньжатами было туго, да и здоровье не позволяло. Сосед тоже прибавил – несколько раз уже его забирали в больницу. Так и жили, каждый на своей половине.

Однажды весенней ночью Лукерья проснулась с ощущением неопределенной, но сильной тревоги. Пошастав туда – сюда по комнате, она оделась и вышла во двор. Было полнолуние – время призрачных, мрачных теней. Ее вдруг обуял дикий, животный страх. Она бросилась в дом, закрылась на все замки, взяла ружье, но страх не проходил.

– Иван Тимофеевич! – закричала она.

Он не отвечал.

– Фи-и-ильдеперсовы чулочки! – и ударила в стену прикладом. Металась она до утра. Утром выяснилось, что Корзюков умер.

Хоронила его одна Лукерья – никаких родственников у соседа не оказалось. Казенный человек объяснил Лукерье, что все свое добро Иван Тимофеевич отрядил в ее пользу: две сберегательные книжки, пачку облигаций и сколько-то там рублей наличными. «Потому как она – венец творенья, хотя и живет неправильно», – оканчивалось завещание.

– Зачем? – сказала Лукерья с горечью. – Ничего этого мне не надо.

– Какое будет ваше распоряжение в таком случае?

– Столько калек, сирот...

Казенный человек обрадовался и предложил подписать соответствующую бумагу.

И накатились на Лукерью кладбищенские заботы: то камушек нужен, то оградка, то цветы. Стала она ездить на Ваганьково каждое воскресенье. Ездил-ездил и доездила: совершенно в духе домостроевского романтизма услыла однажды прямо на земле – на могилке – и простудилась. А как только простудилась, сразу все наперед и поняла. Для начала зашла в церковь: исповедалась, причастилась.

Потом продала ружье, разыскала казенного человека и оставила ему сколь было денег.

Наконец, покончив с делами, упростила карамышевскую почтальоншу захаживать по утрам «для контроля» и легла болеть. Покашляв недельку, с чистой совестью умерла.

Казенный человек выполнил ее последнюю волю и похоронил рядом с Иваном Тимофеевичем.

Продолжение следует

Отметки

Преподобного Паисия Святогорца спросили:

– Как мы должны относиться к человеку, который поступает с нами несправедливо?

– Как к нашему благодетелю, который делает на наше имя вклады в Божию сберегательную кассу. Такой человек навеки делает нас богатым. Разве этого мало? Разве мы не любим того, кто нам благодетельствует, разве мы не выражаем ему свою признательность? Точно так же и мы должны любить и быть благодарны тому, кто поступает с нами несправедливо, потому что он благодетельствует нам для вечности.

* * *

Некоторый из великих старцев, когда приходили просить у него назидательного слова, говорил с великим дерзновением:

– Вот я принимаю на себя лицо Бога и сажусь на престол суда. Чего желаешь ты? Скажешь: «Помилуй меня!». Отвечает тебе Бог: «Если ты хочешь, чтобы я помиловал тебя, то прежде сам помилуй братьев своих. И я помилю тебя. Если ты хочешь, чтобы я простил тебя, то сам прости ближнему своему». За Богом ли дело? Нет, за нами – мы сами должны пожелать спасения.

* * *

Как-то человек решил посоветоваться со святым Паисием Святогорцем об одном искушении. Когда он общался с товарищами, имеющими гордый образ жизни, то и сам вел себя так же. И сколько сил ни прилагал, никак не мог исправиться. Пока он рассуждал, как лучше задать вопрос, кто-то принес старцу в подарок прекрасный арбуз. Паисий взял его и обратился к паломникам со словами:

– Поскольку принесли арбуз, одолжите мне нож, чтобы нам его разрезать. А потом я открою вам тайну, как сделать, чтобы арбузы всегда росли сладкими и вкусными.

Затем старец начал разрезать арбуз на доли, давая каждому по куску. Когда дошла очередь человека, который ждал ответ на свой вопрос, старец посмотрел на него своим пронзительным взглядом и сказал с улыбкой:

– Если сажать рядом арбуз и тыкву, то произойдет следующее: тыква заберет всю сладость от арбуза и арбуз станет невкусным и несладким. А вот тыква, сколько бы ни приняла сладости, все равно останется тыквой. Поэтому, если хотим иметь сладкие и вкусные арбузы, нужно сажать их подальше от тыквы.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

29 мая, вс. – Неделя 5-я по Пасхе, о самарянинах. Прп. Феодора Освященного, ученика прп. Пахомия Великого. Перенесение мощей прп. Ефрема Перекормского, Новгородского чудотворца. Сщмч. Александра, еп. Иерусалимского. Блж. отроковицы Музы.

30 мая, пн. – Ап. Андроника и св. Иунии. Мч. Николая Болгарского. Прп. Евфросинии, в миру Евдокии, вел. кн. Московской. Мчч. Солохона, Памфамира и Памфалона воинов.

31 мая, вт. – Мч. Феодота Анкирского и мщ. семи дев Александры, Текусы, Клавдии, Фаины, Евфрасии, Матроны и Иулии. Мчч. Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины Лампсакийских. Мчч. Ираклия, Павлина и Венедима Афинских. Сщмч. Василия пресвитера.

1 июн., ср. – Отдание праздника Преполовения Пятидесятницы. Блгвв. вел. кн. Димитрия Донского и вел. кн. Евдокии, в инокинях Евфросинии. Сщмч. Патрикия, еп. Прусского, и дружины его. Прп. Корнилия Комельского. Прп. Корнилия, игумена Палеостровского, Олонецкого. Прп. Игнатия Вологодского, в миру блгв. кн. Иоанна Угличского. Святых мученик братьев Парфения и Калогерия. Прп. Сергия Шухтомского.

2 июн., чт. – Обречение мощей свт. Московского Алексия, всея России чудотворца. Мч. Фалалей. Блгв. кн. Довмонта, во Святом Крещении Тимофея, Псковского.

3 июн., пт. – Владимирской иконы Божией Матери. Равноап. царя Константина и матери его царицы Елены. Блгв. кн. Константина и чад его Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев. Прп. Кассиана грека, Угличского чудотворца.

4 июн., сб. – Мч. Василия. Мч. Иоанна-Владимира, кн. Сербского. Прав. Иакова Боровичского, Новгородского чудотворца. Святых отцов II Вселенского Собора.

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!